

5. Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах» // Советская этнография. 1980. №1 С.117–124.
6. Криничная Н.А. Предания об аборигенах края // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. XX. Л.: Наука, 1981. С.45–617
- Криничная Н.А. Северные предания (Беломорско-обонежский регион). Л: Наука, 1978.
8. Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск: Уральский ун-т, 1974.
9. Крупп А.А. К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника // Русский фольклор. Материалы и исследования, Т. XV Л: Наука, 1975. С. 238–239.
10. Материалы архива кафедры устного народного поэтического творчества МГУ, Фольклорная Экспедиция, лето/зима. Год. Папка. Тетрадь. Номер текста.
11. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988.
12. Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края // Записки РГО по отделению этнографии, Т. XII. Спб. 1884.
13. Смирнов В. Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып XXIV 1921.
14. Соколова В.К. Русские исторические предания. М: Наука, 1970.
15. Щеглов С.А. Кладовая запись // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып.30.

© Т.В. Кривошапова
Астана

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

В последние годы исследователи, пытаясь определить приоритетные направления анализа литературной сказки, предлагают уйти от эмпиризма и сосредоточить внимание на общих законах поэтики жанра. Справедливо полагая, что центральным жанрообразующим признаком литературной сказки является ее соотнесенность с поэтикой и художественной семантикой народной сказки, предлагается структурно-генетический тип анализа. В его основе сформулированная М. Бахтиным проблема «памяти жанра». Однако этот путь не должен исключать исследование исторической поэтики литературной сказки, основанное на общепринятой методике анализа соотнесения фольклорных и литературных текстов. Естественно, что понимание традиции в народном и профессиональном искусстве слова нового времени не совпадает. Однако нельзя воспринимать процесс исторического развития жанра только на пути «от фольклора», что связано с утратой элементов традиционного сказочного сюжета и функций персонажей. Нельзя согласиться с тем, что «сказочность» как важнейшая черта

художественного мира жанра существует вне конкретной связи с фольклорной традицией. По этой причине методика поиска конкретных формальных совпадений между фольклорными и литературными текстами при исследовании литературной сказки несправедливо трактуется как непродуктивный формализм.

Безусловно, специфика жанра литературной сказки проявляется лишь в контексте. Традиционно контекст понимается как речевое или ситуативное окружение литературного произведения (или его части), в пределах которого наиболее точно выявляется смысл и значение художественного образа. Приятно говорить о микро- и макроконтексте, о «горизонтальном» и «вертикальном» контексте, принадлежащем не только исследованию места и роли произведения в творческой биографии писателя, но и в литературном процессе эпохи, культурного развития этноса, страны, человечества. Конечно, к последнему типу анализа контекстуальных связей принято прибегать лишь в процессе анализа произведений, оказавших глобальное значение на этнокультурное развитие. Одной из разновидностей «вертикального контекста» является фольклорный контекст. Именно он позволяет произвести качественный анализ в аспекте жанра литературной сказки. Абсолютное доминирование фольклорного контекста свидетельствует о том, что перед нами не литературная сказка, а сказка народная, писателем отредактированная и сохранившая в неприкосновенности все элементы традиционного текста.

Развитие жанра литературной сказки в XIX веке шло по пути уменьшения удельного веса фольклорного контекста (от Жуковского и Пушкина к Салтыкову-Щедрину и Гаршину). Однако на рубеже XIX-XX вв., в эпоху господства стиля модерн, объем фольклорного контекста вновь возрастает, сохраняется установка на народнопоэтический первоисточник в аспекте сюжета, образной системы. Все эти составляющие художественной формы и содержания литературного произведения должны иметь вторичный характер и демонстрировать постоянное присутствие «чужого слова» в широком понимании этого термина, принадлежащего М. Бахтину. Вторичность, узнаваемость, недопустимые в других жанрах литературы, в сказке изначально являются доминантными структурообразующими признаками. Прояснение фольклорного контекста требует многоуровневого сопоставительного анализа (от конкретного образа, мотива к сюжетно-композиционным и стилевым компонентам). Как правило, профессиональный фольклорист с помощью указателя сказочных сюжетов легко может выявить фольклорный первоисточник сюжета. Так, двадцать произведений из сборника А. Толстого «Сорочьи сказки» имеют сюжетную аналогию в фольклоре. Иногда и сами писатели называют фольклорный источник сюжета литературной сказки (А. Ремизов «Посолонь»), но это обстоятельство не искажает жанровую

природу художественного текста. Характерно, что на рубеже XIX-XX столетий в качестве сюжетного первоисточника литературной сказки может выступать и несказочная проза, игровой фольклор, календарный обряд. Это весьма показательная особенность фольклорного контекста литературной сказки на данном этапе исторического развития жанра.

Нетрудно проследить специфику фольклорного контекста и на композиционном уровне. С этой целью закономерности соответствия структуры литературного произведения фольклорному первоисточнику выявляются с помощью «Мифологической сказки» В.Я. Проппа. Марина Цветаева в поэме «Егорушка» использует однолинейный композиционный принцип, состоящий в отлучке, приключениях, поисках и возвращении. В поэме-сказке «Царь-Девница» Цветаева использует традиционный троекратный повтор мотивов, как и в сказке «Молодец» (в которой присутствует видоизмененный финал).

Таким образом, с помощью фольклорного контекста можно исследовать жанровую природу литературной сказки и ее связь с народнопоэтическим первоисточником.

В современных же условиях происходит изменение динамики фольклорно-литературного взаимодействия, так как крайне редко писатель знаком с живым бытованием устного наследия, с архивными записями, классическими сборниками. Поэтому все чаще исследователи предпочитают сосредоточивать свое внимание на выявлении точек контактного и контрастного взаимодействия и типологических связей. Литературные тексты интерпретируются в аспекте мифологизма, с точки зрения их соответствия универсальным обрядовым комплексам и традициям народной зрелищной культуры.

© А.А. Кубасова,
О.Л. Ладейщикова
Екатеринбург

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В ГОРОДЕ СЫСЕРТЬ

Летом 2000 г. один из экспедиционных отрядов Уральского государственного университета работал в городе Сысерть – старинном горнозаводском поселении Урала. Общеизвестно, что Сысертьский край всегда славился богатой фольклорной традицией. Вспомним, к примеру, публикации П.П. Бажова о быте, нравах и людях сысертских заводов. В частности, уникальное свидетельство Бажова о творчестве талантливого импровизатора-самородка из рабочих Н.Н. Медведева (Мякины). Материалы, собранные в экспедиции этого года, подтверждают устойчивость и жанрово-тематическое разнообразие фольклорной традиции Сысерти. Так, например, по сей день в этом крае в активном бытовании находится такой малый фольклорный жанр, как прозвища. По воспоминаниям П.П. Бажова и известного уральского краеведа В.П.